

«Поток, загражденный в стремлении своем, тем сильнее становится, чем тверже находит противостояние. Прорвав оплот единожды, ничто уже в разлитии его противиться ему невозможно. Таковы суть братья наши, во узах нами содержимые. Ждут случая и часа. Колокол ударяет» («Хотилов»).

Образ революционера, борца за законные права общества, рисуется посредством сравнений и уподоблений, имеющих величественный, героический характер: «Пребудь незыблем в душе твоей, яко камень среди бунтующих, но немощных валов. Ярость мучителей твоих раздробится о твердь твою» («Крестыцы»).

Уже из приведенных примеров можно было видеть склонность Радищева к метафорическим выражениям, метафорическим эпитетам и уподоблениям. Метафоры, излюбленные автором «Путешествия», в большей степени, чем эпитеты и сравнения, были характерны для старой литературной манеры, казавшейся архаичной даже в те времена.

«Стрелы карающего грома» («Спасская полость»), «пасутся рабы железом самовластия» («Новгород»), «сладкий при насаждении <...> корень произнес наконец плод горький» («Выдропуск») — вот метафоры, типичные для стиля «Путешествия из Петербурга в Москву». В той же манере выдержаны частые в книге Радищева метафорические выражения, образованные с помощью родительного падежа существительного: «хижина уничижения» (см. в главах «Спасская полость» и «Крестыцы»), «скипетр жестокости», «рамена невинности» («Зайцово»), «чаша рассудка» и «чаша страстей», «зерцало истины», «риза коварства» («Крестыцы»), «убийство порабощения» («Хотилов»).

Метафорические образы заимствуются из Библии («тогда все плевелы, тогда все изблевания смрадность свою возвратят на извергателя их» — глава «Торжок») и даже, по-видимому, из таких своеобразных памятников старинной письменности, как лубочные картины с объяснительными текстами: к широко распространенному тогда лубочному изображению «колеса фортуны» восходят как будто настойчиво повторяющиеся в «Путешествии» размышления о том, что «на свете всё колесом вертится» («Зайцово») и что «мир нравственный» подобен «колесу» («Подберезье»). Из других источников нам известно, что Радищев интересовался народными лубочными картинками и знал их.⁷

⁷ Ср. мою статью «Творчество А. Н. Радищева и народная литература XVIII в.» («Ученые записки Московского государственного педагогического института им. Потемкина», т. XX, 1953, стр. 10—11).